

УДК 94(47)»18»:271.2-75

Учреждение проповеднической цензуры в Тверской епархии в начале XIX века: административные меры и кадровые ограничения

*В. А. Симора, священник (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7317-9772>)
Тверской государственный университет*

Статья посвящена начальному этапу институционализации проповеднического надзора в Тверской епархии в 1807–1808 гг. На основе комплекса делопроизводственных документов Тверской духовной консистории (ГАТО, ф. 160) реконструируются причины, ход и результаты введения цензурной проверки проповедей, инициированной архиепископом Мефодием (Смирновым). Раскрывается двухуровневая модель контроля (благочиннический просмотр и специализированная цензура), однако на практике различие функций часто нивелировалось из-за совмещения должностей. На примере пяти духовных правлений выделены три типа кадровых ситуаций: от оперативных назначений до острого дефицита образованных клириков, требовавшего компромиссов («по способности») и отсрочек. Впервые составлен персональный перечень цензоров по всем уездным центрам епархии. Показано, что отсутствие письменной инструкции и формальные резолюции даже ведущего цензора существенно ограничивали реальное влияние надзора на богословское содержание проповедей, однако сам институт создал административную и нормативную основу для последующей систематизации проповедничества, закреплённой синодальным указом 1821 г. В статье также представлена источниковедческая критика репрезентативности рапортов духовных правлений, фиксирующих преимущественно взгляд администрации, и указывается на необходимость дополнительной верификации через иные виды источников.

Ключевые слова: Тверская епархия, проповеднический надзор, архиепископ Мефодий (Смирнов), цензура проповедей, кадровый дефицит, благочиннический контроль, духовные правления, 1807–1808 гг.

The establishment of preaching censorship in the Tver Diocese at the beginning of the 19th century: administrative measures and personnel restrictions

V. A. Simora, priest (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7317-9772>)

Tver State University

The article is devoted to the initial stage of the institutionalization of preaching supervision in the Tver Diocese in 1807–1808. Based on a set of administrative documents from the Tver Spiritual Consistory (GATO, f. 160), the reasons, process, and outcomes of the introduction of censorship review of sermons, initiated by Archbishop Methodius (Smirnov), are reconstructed. A two-tier control model is revealed (provincial review and specialized censorship), but in practice, the distinction between functions was often neutralized due to the combination of positions. Using the example of five ecclesiastical administrations, three types of personnel situations were identified: from operational appointments to an acute shortage of educated clerics, which required compromises (“to the extent possible”) and postponements. For the first time, a personal list of censors was compiled for all the district centers of the diocese. It was shown that the absence of written instructions and the formal resolutions of even the leading censor significantly limited the real influence of supervision on the theological content of sermons; however, the institution itself created an administrative and regulatory framework for the subsequent systematization of preaching, which was enshrined in a synodal decree of 1821. The article also presents a source-critical analysis of the representativeness of the reports of the spiritual administrations, which primarily record the administration’s perspective, and points to the need for additional verification through other types of sources.

Keywords: Tver Diocese, preaching supervision, Archbishop Methodius (Smirnov), sermon censorship, personnel shortage, deanery control, spiritual administrations, 1807–1808.

Проповедническая деятельность приходского духовенства в синодальный период традиционно рассматривалась как одна из важнейших форм религиозного просвещения¹. Однако реальная практика произнесения проповедей нередко отставала от нормативных предписаний, а отчетность о ней отличалась неполнотой. Упорядочение этой сферы требовало создания специальных контрольных органов, одним из которых стала проповедническая цензура. В Тверской епархии ее введение связано с деятельностью архиепископа Мефодия (Смирнова), который в 1807 г. обнаружил система-

¹ Барсов Т. В. О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – № 5. – С. 691–719; № 6. – С. 966–998; № 7. – С. 110–130; № 8. – С. 238–257; № 9. – С. 390–404; Котович А. Н. К вопросу о духовной цензуре. – Санкт-Петербург, 1905. – 26 с.; Котович А. Н. Почему духовные молчат? (Духовенство и цензура в первой половине XIX века) // Христианское чтение. – 1907. – № 1. – С. 806–838.

тические расхождения между отчетностью благочинных и фактическим представлением текстов проповедей¹.

Основную проблему составляла нерегулярность представления текстов, а не полное отсутствие проповедей. Обязанность проповедовать была закреплена в Духовном регламенте 1721 г.² и последующих синодальных указах. Введение цензуры должно было не просто контролировать исполнение этой обязанности, но и обеспечивать догматическую чистоту проповедей, предотвращая распространение ересей и произвольных толкований. Помимо дисциплинарной функции, учреждение цензуры преследовало и пастырскую цель – оградить паству от богословски несостоятельных толкований, что в условиях распространения мистических учений начала XIX в. приобретало особую значимость.

Настоящая статья посвящена реконструкции начального этапа формирования проповеднической цензуры в Тверской епархии в 1807–1808 гг. Цель работы – проследить, как епархиальная власть реагировала на выявленные нарушения, какие нормативные требования предъявляла к проверке проповедей и как решала кадровую проблему в условиях нехватки образованного духовенства. Для достижения цели необходимо рассмотреть причины введения цензуры, проанализировать распоряжения архиерея, изучить рапорты духовных правлений и составить персональный состав цензоров, выявив типичные трудности и компромиссы.

Источниковая база работы включает комплекс документов, отложившихся в делопроизводстве Тверской духовной консистории и духовных правлений (ГАТО, ф. 160): распоряжение архиепископа Мефодия от 28 июня 1807 года³, рапорты Вышневолоцкого, Осташковского, Старицкого, Бежецкого и Новоторжского духовных правлений⁴, а также итоговое штатное расписание цензоров 1808 года⁵. Эти материалы позволяют на конкретном материале увидеть механизмы церковной администрации и оценить кадровый потенциал епархии. Методологически работа опирается на сочетание анализа управленческих структур, который позволяет рассмотреть цензуру как формальный механизм контроля, с анализом конкретных случаев, дающим возможность через отдельные примеры назначений и отказов выявить неформальные практики и ограничения этого механизма.

Существенной источниковедческой оговоркой является то, что рапорты духовных правлений фиксируют преимущественно позицию епархиальной администрации и назначенных цензоров. Мнение рядового духовенства, которое должно было представлять проповеди на проверку, в сохра-

¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 775. Л. 1.

² Духовный регламент, Тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийскаго. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 202 с.

³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 775. Л. 1.

⁴ Там же, л. 5-17.

⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 829. Л. 2.

нившихся документах не отражено. Не исключено, что формальные отчеты и стандартизированные ответы были следствием принуждения или нежелания клириков вступать в конфликт с властью, а не только «нерадивости». Таким образом, представленная картина отражает взгляд «сверху» и нуждается в дополнительной верификации через другие виды источников (например, личные дела священников или благотворительные отчеты).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе архивных данных реконструирован персональный состав проповеднических цензоров Тверской епархии, выявлены кадровые проблемы и организационные решения, характерные для начального этапа становления цензорского института.

Начальный этап упорядочения проповеднической практики в Тверской епархии связан с личной инспекцией архиепископа Тверского и Кашинского Мефодия (Смирнова). В ходе поездки от Осташкова до Твери благочинные сообщили ему, что образованные священники и диаконы (имеющие семинарское образование) не представляют благочинным тексты проповедей, о которых они отчитываются в ведомостях. Иными словами, духовенство отчитывалось о произнесенных проповедях, но не предоставляло их тексты для проверки, что открывало возможность неподтвержденных записей и формального исполнения обязанности¹.

Реакцией архиерея стало распоряжение в Тверскую духовную консисторию от 28 июня 1807 года. Оно содержало требование обязательной проверки отчетности: священнослужители должны были представлять тексты проповедей благочинным, а те – накладывать на них собственноручные пометы. В случае необходимости материалы могли быть высланы самому архиерею. Одновременно архиепископ Мефодий инициировал создание института проповеднических цензоров, предписав Консистории учредить цензоров и снабдить их соответствующей инструкцией. Следует отметить, что текст этой инструкции в сохранившемся деле не обнаружен; вероятно, она была словесной или типовой, что затрудняет анализ конкретных требований, предъявлявшихся к цензорам. Таким образом, на начальном этапе содержательная проверка проповедей фактически не была реализована в виде письменных критериев, и цензура сводилась преимущественно к формальному учету наличия текстов².

Вводились два уровня контроля: первичная проверка благочинными и специализированная цензура. Важно разграничить их функции: благочинный осуществлял первичный просмотр (фиксация наличия текста и соответствие базовым требованиям), тогда как цензор был призван проводить содержательный анализ, включавший проверку догматической точности, внутренней логики и соответствия Священному Писанию и святоотеческо-

¹ ГАТО. Ф.160. Оп. 1. Ед. хр. 775. Л. 1.

² Там же, л. 1.

му преданию. Однако на практике, как будет показано ниже, это различие часто стиралось.

Проверка проповедей, помимо формальной фиксации их наличия, должна была включать оценку соответствия их содержания Символу веры, Священному Писанию и святоотеческому преданию. Цензорам следовало обращать внимание на отсутствие рационалистических или мистико-сектантских влияний, что было особенно актуально для начала XIX века в связи с распространением масонства и мистицизма.

Исполнение распоряжения столкнулось с неравномерностью кадрового потенциала епархии. Анализ рапортов духовных правлений позволяет выделить три типа ситуаций¹.

Первый тип – полная кадровая обеспеченность. Осташковское и Старицкое духовные правления оперативно представили списки назначенных цензоров. В Ржеве цензором стал протоиерей Успенского собора Афанасий Никифоров, в Осташкове – иерей Воскресенской церкви Иоанн Давыдов, в Старице – священник села Бороздина Михаил Фаворов, в Зубцове – протоиерей Успенского собора Алексей Федоров. По Твери исполнение обязанностей было возложено на протоиерея кафедрального собора Иоанна Алексева, по Корчеве – на священника Преображенской церкви Антония Иванова. Эти назначения указывают на наличие достаточного числа образованных клириков в данных местностях.

Второй тип – острый дефицит образованных священнослужителей. Вышневолоцкое духовное правление сообщало, что в городе Вышнем Волочке отсутствует определенный проповеднический цензор, и кроме присутствующего в правлении иерея Василия Петрова и новорукоположенного священника Алексея Максимова образованных нет. Проблема была решена лишь в декабре 1807 г., когда правление известило о назначении цензором по способности священника Алексея Максимова. Формулировка «по способности» свидетельствует о том, что назначение производилось на основании личной оценки благочинного или правления, а не по формальному цензу (например, наличию аттестата), что указывает на вынужденный компромисс в условиях дефицита кадров.

Третий тип – наиболее сложная ситуация. Бежецкое духовное правление оказалось в наиболее сложном положении. Прежний цензор, протоиерей Логгин Онуфриев, скончался. Из образованных священников города двое – Христо-Рождественский Матфей Иванов и Богородице-Рождественский Иван Герасимов – не могли быть назначены, однако точные мотивы отвода в сохранившемся деле не раскрыты; можно предположить, что они были связаны с дисциплинарными или нравственными ограничениями. Еще двое – соборный Арсений Иоаннов и Никольский Петр Иванов – не могли быть назначены из-за членства в духовном правлении. Лишь 2 декабря 1807 года правление рапортовало о назначении цензоров: в Бежецке – Вос-

¹ ГАТО. Ф.160. Оп. 1. Ед. хр. 775. л. 5-17.

кресенского собора священника Андрея Иоаннова, в Красном Холме – Преображенского собора протоиерея Василия Андреева, в Весьегонске – Богоявленского собора протоиерея Димитрия Иванова.

Особый случай представлял Новоторжское правление, где надзор за проповедниками осуществлял благочинный, священник Успенской церкви Тимофей Иванов. Это свидетельствовало о том, что в ряде случаев функции цензора совмещались с благочинническими обязанностями, что было вынужденной мерой из-за нехватки отдельных кандидатов. Такое совмещение, хотя и позволяло закрыть вакансию, снижало эффективность контроля, поскольку благочинный, как правило, не имел возможности проводить глубокую содержательную рецензию всех проповедей.

Таким образом, кадровая ситуация в епархии была неоднородной: там, где имелось достаточное число образованных клириков, назначения происходили быстро; там же, где ощущался дефицит, приходилось прибегать к компромиссным решениям и откладывать решение.

К концу 1808 года штатное расписание цензоров Тверской епархии приобрело окончательный вид, охватив административные центры уездов¹:

- Корчева – священник Антоний Иванов (Преображенская церковь);
- Ржев – протоиерей Афанасий Никифоров (Успенский собор);
- Осташков – священник Иоанн Давыдов (Воскресенская церковь);
- Вышний Волочек – священник Алексей Максимов (Вышневолоцкий Богоявленский собор);
- Торжок – священник Тимофей Иванов (Успенская церковь);
- Бежецк – протоиерей Андрей Иванов (Воскресенский собор);
- Старица – священник Михаил Фаворов (село Бороздино);
- Кашин – священник Е. Фаворов (Сретенский женский монастырь) – полное имя в документе не раскрыто;
- Калязин – священник Иоанн Тимофеев (Никольская церковь);
- Zubцов – протоиерей Алексей Федоров (Успенский собор);
- Красный Холм – протоиерей Василий Андреев (Преображенский собор);
- Весьегонск – протоиерей Димитрий Иванов (Богоявленский собор).

Приведенные данные указывают, что большинство цензоров занимали должности в соборах или городских церквях. Это объяснялось концентрацией образованных кадров именно в уездных центрах. Исключением стал священник села Бороздина Михаил Фаворов, что подчеркивает общую нехватку образованных клириков в сельской местности. Кроме того, в Кашине цензором был назначен священник Сретенского женского монастыря Е. Фаворов, что также отражает специфику распределения кадров.

Важным дополнением к кадровой структуре стал указ архиепископа Мефодия от 25 февраля 1808 г.² Изучив присланные из Консистории про-

¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 829. Л. 2.

² Там же, л. 1.

поведи с резолюцией протоиерея Иоанна Алексеева, архиерей обнаружил, что цензор ограничился пометой «Смотрено» без содержательной оценки. Архиепископ Мефодий потребовал, чтобы цензоры обязательно указывали, каковы проповеди и достойны ли они произнесения, с обоснованием. Это требование существенно повышало ответственность цензоров и должно было предотвратить поверхностный подход к их деятельности. Показательно, что даже ведущий цензор по Твери – протоиерей Иоанн Алексеев – допускал формальную помету, что свидетельствует об остроте проблемы недостаточной регламентации в церковной администрации.

После введения цензуры в епархии активизировалась проповедническая практика. Осташковское духовное правление сообщало, что священно-церковнослужители читали богословские книги и краткие катехизисы и наставляли прихожан. Новоторжское духовное правление свидетельствовало, что в 1811 г. проповеди читались в церквях ежедневно без пропусков. Благочинный Корчевы священник Воскресенской церкви Антон Иванов подтверждал, что поучения произносились без пропусков и благопристойно при священнослужении¹. Эти данные показывают, что цензура, хотя и создавалась как контрольный институт, в определенной мере стимулировала регулярность проповедничества.

Дальнейшее развитие контрольной системы выразилось в указах Тверской духовной консистории 1813 г.², которыми предписывалось каждые полгода направлять рапорты о состоянии епархии и чтении проповедей, включая сведения о том, все ли обстояло благополучно, не было ли кликуш и суеверий, краж, а также о положении старообрядцев. Отчеты консистории за второе полугодие 1813 г. содержали стандартизированные формулировки: все обстояло благополучно, кликуш и суеверий не имелось, поучения во всех церквях читаны без пропусков. Такая унификация отчетности, с одной стороны, указывала на налаженный учет, с другой – сама по себе может свидетельствовать о сохранении формального подхода к проверке реального положения дел, хотя не исключено, что это было следствием установленного порядка делопроизводства, а не сознательной фикции.

Введение проповеднической цензуры в Тверской епархии не было изолированной инициативой. Аналогичные меры по упорядочению проповедничества и контроля за его содержанием предпринимались в тот же период в соседних епархиях, в частности Московской, что отражало общесинодальную тенденцию к укреплению церковной дисциплины и религиозного просвещения³. Таким образом, действия архиепископа Мефодия находились в русле общероссийских процессов, хотя местная специфика – острый кадровый дефицит – накладывала на них существенный отпечаток.

¹ ГАТО Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 1183. Л. 21.

² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 1493. Л. 1.

³ Снегирев И. Жизнь митрополита Платона. Ч. 1. – М.: Типография ведомостей Московской городской полиции, 1856. – 144 с.

Формирование института проповеднической цензуры в Тверской епархии в 1807–1808 гг. проходило в условиях острого кадрового дефицита и неравномерного распределения образованного духовенства. Если в одних уездах удалось быстро назначить цензоров из числа соборных протоиереев и священников, то в других (Вышний Волочек, Бежецк) пришлось откладывать решение или назначать лиц по способности, а не по формальным критериям. В ряде случаев цензорские обязанности совмещались с благотворительными, а в Бежецке пришлось преодолевать последствия смерти прежнего цензора и отвода нескольких кандидатов.

Организационные решения архиепископа Мефодия – обязательные пометы на проповедях, требование содержательной оценки, инструкция цензорам – были направлены на преодоление неполноты отчётности и повышение ответственности. Однако кадровый дефицит ограничивал эффективность контроля. Стандартизированные формулировки отчетов («все обстояло благополучно») свидетельствовали о стандартизации учёта, которая отчасти была вызвана ограниченностью кадровых ресурсов для глубокой проверки каждого случая.

Вместе с тем необходимо признать, что реальное влияние цензуры на богословское качество проповедей в первые годы оставалось ограниченным. Отсутствие письменной инструкции, формальные пометы ведущего цензора Твери и последующая унификация отчетности позволяют предположить, что институт цензуры выполнял скорее дисциплинарную функцию, нежели реально обеспечивал догматическую чистоту проповедничества. Тем не менее само его учреждение создало нормативную базу и административный прецедент для последующего развития церковно-просветительской работы.

Созданный в Тверской епархии институт цензоров стал одним из звеньев общецерковного процесса упорядочения проповедничества, завершившегося синодальным указом 1821 года, который ввел систематическое обучение народа основам веры. Таким образом, начинания архиепископа Мефодия, несмотря на кадровые ограничения, заложили основу для дальнейшего развития контроля над проповедничеством и, шире, религиозного просвещения в регионе.

Литература

1. Барсов Т. В. О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – № 5. – С. 691–719; № 6. – С. 966–998; № 7. – С. 110–130; № 8. – С. 238–257; № 9. – С. 390–404.
2. Котович А. Н. К вопросу о духовной цензуре. – Санкт-Петербург, 1905. – 26 с.
3. Котович А. Н. Почему духовные молчат? (Духовенство и цензура в первой половине XIX века) // Христианское чтение. – 1907. – № 1. – С. 806–838.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 829. Л. 1-2.
5. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 1183. Л. 21.
6. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 1493. Л. 1, 5-17.
7. Духовный регламент, Тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 202 с.
8. Снегирев И. Жизнь митрополита Платона. Ч. 1. – М.: Типография ведомостей Московской городской полиции, 1856. – 144 с.